

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XX ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ДО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1985
Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

УЧЕНИЕ МОТООРИ НОРИНАГА И КУЛЬТУРА КИТАЯ

В общественной мысли Японии периода Токугава (1603–1867 гг.) особое место принадлежит Школе национальных наук. В отличие от большинства идейных течений того времени, в той или иной степени базировавшихся на конфуцианстве, представители Школы национальных наук строили свое учение на отрицании всего китайского – философии, религии, литературы, усматривая в распространении в Японии китайской культуры причину социально-экономического и идейно-политического упадка японского феодального общества. Крупнейшим представителем Школы национальных наук был Мотоори Норинага (1730–1801 гг.). В его учении критика китайской культуры принимала форму ее огульного отрицания.

Однако как человек, выросший в духовном мире, сформированном под многовековым влиянием китайской культуры, он, естественно, не мог избежать ее воздействия. Поэтому представляется необходимым рассмотреть вопрос о связи взглядов Норинага с различными китайскими учениями.

В системе идей Норинага центральное место занимает концепция "магокоро" (истинного сердца), рассматривавшегося ученым как воплощение японского национального характера и как антитеза "карагокоро" (китайскому сердцу). Раскрывая содержание "магокоро", Норинага определял его как способность человека приходить в волнение от соприкосновения с внутренней эмоциональной сущностью предметов и явлений живой и неживой природы. В результате этого процесса, именуемого Норинага познанием "моно-но аварэ", в сердце человека рождается адекватная эмоциональная реакция. По убеждению Норинага, процесс познания "моно-но аварэ" лежит в основе всех видов взаимодействия человека с окружающим миром – от рождения стихов (стихи есть облаченные в слова эмоции) до управления обществом. Поскольку для Норинага главным была способность человека к эмоциональной реакции, то он характеризовал истинную природу человека как женственную, эфемерную, способную чувствовать, но не рассуждать и действовать.

Другая характерная черта "магокоро" вытекала из того, что оно рассматривалось Норинага как сердце, которым человек наделен от природы всепорождающим божеством Мусуби-но ками. Отсюда следовало, что человек от рождения знает, что и как ему надлежит делать, в том числе он знает этические нормы поведения и взаимоот-

ношений с людьми. "Магокоро", таким образом, позволяло людям должным образом исполнять свои социальные обязанности и обеспечивало социальный порядок. Особенно важную функцию "магокоро" Норинага видел в том, что благодаря ему был возможен эмоциональный контакт между народом, императором и небесными богами, который осуществлялся по принципу познания "моно-но аварэ". "Магокоро" позволяло сливаться в единое целое народу и императору, что трактовалось Норинага как основа стабильности общества.

Естественному знанию и соблюдению социальных норм Норинага противопоставлял знание, приобретенное в процессе изучения китайских сочинений, в первую очередь конфуцианских и буддийских. Ученый был убежден, что конфуцианство и буддизм, поучая человека и принуждая его к добродетельному поведению и подчинению вышестоящим, совершают насилие над "истинным сердцем". Таким образом, если "магокоро" – это естественное выражение эмоциональной, женственной природы человека, предполагающей в том числе и интуитивное знание норм поведения, то "карагокоро" – это, наоборот, насилие над природой человека, оно проявляется в склонности к поучениям и принуждению к добродетельному поведению.

Необходимо подчеркнуть, что одним из естественно присущих "магокоро" свойств Норинага считал "следование воле императора", поскольку же "магокоро" трактовалось как воплощение японского национального характера, то и подчинение императору превращалось, таким образом, как бы в присущую всем японцам от рождения черту. Следовательно, чтобы достичь того идеального, с точки зрения Норинага, общества, где народ и император составляют единое целое, необходимо "очиститься" от "китайского сердца" и вернуться к "магокоро", то есть упразднить влияние китайской культуры и восстановить "исконно японские ценности".

Однако термин "магокоро", применявшийся Норинага для обозначения сущности японского национального характера, является по своему происхождению даосским. В даосизме он означает природу человека в ее естественных проявлениях. Веря в чистоту и совершенство изначальной природы человека, даосы призывали следовать естественности и, напротив, отрицательно относились к системе нравственных наставлений, к учению, считая, что они могут лишь испортить истинную природу. Критика Норинага, направленная в адрес учений, стремящихся заставить человека поступать в соответствии с этическими нормами и являющихся, с точки зрения Норинага, насилием над истинной природой, перекликается со словами из "Дао дэ цзин": "Когда будут устранены мудрствование и ученость, народ бу-

дет счастливее во сто крат ... Нужно меньше говорить, следовать естественности".¹

Исследователями китайской культуры давно отмечено, что культ женственного является одной из характерных особенностей даосизма, что даосизм в целом сориентирован на женское начало (инь), тогда как конфуцианство - на мужское начало (ян).² Таким образом, присущий учению Мотоори Норинага культ женственного, представления естественной моральности человека, чистоте его истинной природы, отрицательное отношение к учению и моральным наставлениям - все это элементы даосизма.

Представляется также правомерным и другое сопоставление - "магокоро" и присущей китайской культуре категории "искренности" (чэн). Китайскими философами "искренность" рассматривалась как основа, фундамент личности, "данные человеку как потенция по аналогии с дарованной небом природой". Для низшего "искренность" оказывалась условием нормального социального функционирования, монарху она обеспечивала коммуникацию с высшими силами, благодаря тому, что состояние искренности "трогало" их, то есть влияло на них, сообщало определенный импульс.³ Хотя полной аналогии между "магокоро" и "искренностью" провести нельзя (Норинага делал сильный акцент на естественном, врожденном характере "магокоро", китайские мыслители подчеркивали необходимость достижения состояния "искренности", которое дано как потенция), в целом и то, и другое может быть отнесено к классу интеграторов, приводящих индивидууме в соответствие с миропорядком в целом.⁴

Заметим также, что схема взаимодействия человека, обладающего "магокоро", с окружающим миром в процессе познания "моно-но аварэ" построена аналогично принципу причинности "гань-ин" (возбуждение-отклик), который является общим принципом китайской культуры.

Аналогии между идеями Норинага и концепциями китайского происхождения можно было бы продолжить. Так, Аматаэрасу и император, являющиеся в понимании Норинага носителями волеизъявительных и мироустроительных начал, сопоставимы с Небом в китайском понимании. Рассуждения ученого об отношениях между правителями и народом, о важности земледельческого труда, критика роскоши также повторяют традиционно китайские.

Таким образом, хотя Норинага и заявлял, что он отвергает все китайское, в действительности он был против лишь конфуцианства как учения, предназначенного для воспитания человека, и эта критика велась им с позиций, являвшихся по существу даосскими. Нори-

нага и сам видел близость своего учения к даосизму. Однако считал, что "естественность" в понимании Лао-цзы и Чжуан-цзы не является истинной, поскольку проистекает не из замыслов богов, а представляет сознательно предпринятую попытку противопоставить "естественный Путь" конфуцианству. Разумеется, эта критика не затмевает факт сущностной общности ряда идей Норинага и даосизма. Стоя в оппозиции к китайским учениям, Норинага невольно заимствовал многие идеи этих учений, но объявлял их исконно японскими. В истории Японии немало примеров того, как элементы китайской культуры усваивались японцами, перерабатывались и в дальнейшем воспринимались как собственно японские. Учение Норинага представляет собой один из выдающихся примеров подобного синтеза японского и китайского. Поскольку это учение появилось в начальный период формирования национального самосознания и служило задаче его дальнейшего развития, то китайские заимствования отступили далеко на задний план и учение Норинага стало восприниматься и современниками ученого, и последующими поколениями как чисто национально японское.

-
1. Древнекитайская философия, т. I, М., 1972, с. 120-121.
 2. J. Needham. Science and Civilization in China. V.2. Cambr., 1956, p. 59.
 3. А.С. Мартынов. "Искренность" мудреца, благородного мужа и императора. - Из истории традиционной китайской идеологии. М., 1984, с. 44.
 4. Там же, с. 42.

Е.П.Островская, В.И.Рудой

О КОНКРЕТИЗАЦИИ ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПРИ ИСТОЛКОВАНИИ КЛАССИЧЕСКИХ БУДДИЙСКИХ ФИЛОСОФСКИХ ТЕКСТОВ

I. Дialeктико-материалистический подход к анализу буддийской философии предполагает осмысление этой философии как равноправной - наряду с другими - исторически-конкретной составляющей всемирного историко-философского процесса, без учета которой реконструкция последнего с неизбежностью оставалась бы односторонней и неполной. Именно в силу этого конкретизация диалектико-материалистической методологии применительно к историко-философским исследованиям классической буддийской мысли является давно назревшей и актуальной задачей.